

УДК 947:31

О. Н. Сутырина*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола***СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИИ
В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

Статья посвящена изучению социально-демографической структуры населения России на примере Марийской автономной области периода нэпа. Приведена историографическая и статистическая базы данных, рассмотрены примеры типологизации социальной структуры населения России 1920-х годов. Методология исследования основана на трудах ученых и практиков как 1920-х годов (П. Сорокин, Ю. Ларин, Н. Кондрагьев), так и современных российских и зарубежных исследователей (Ш. Фицпатрик, Э. Льюис, Р. У. Девис, П. Гатрелл и др.), документах Государственного архива Республики Марий Эл, статистических отчетах. Отмечено влияние Первой мировой и Гражданской войн на численность населения страны. Представлены данные по Всероссийской городской переписи населения 1923 года и Всесоюзной переписи населения 1926 года по Марийской автономной области. Рассчитаны коэффициенты естественного движения населения Марийской автономной области в 1920-е годы. Применен междисциплинарный подход исследования: использованы статистико-математические методы, методы исторической типологизации. Сделаны выводы о динамике рождаемости и смертности населения области.

Ключевые слова: Марийская автономная область, Россия, социальная структура, численность населения, новая экономическая политика, естественное движение населения, перепись населения, рождаемость, смертность

Оценка и перспективы развития социально-демографических трансформаций мирового населения являются одним из ключевых вопросов экономики, демографии, политики, социологии. Усиливающиеся миграционные потоки не только создают проблемы экономического характера, но и существенно влияют на социокультурные аспекты жизни стран. Однако не все наблюдаемые явления возникли как следствие событий последних двух десятилетий. Например, истоки депопуляции, затронувшей Россию и Европу, следует искать в начале XX века, поэтому обращение к историческому опыту с использованием методов междисциплинарной истории весьма актуально. Локальные исследования на региональном уровне также важны, поскольку позволяют исследователям не только выявить общие демографические тенденции, но и выявить особенности социально-демографических процессов, например, в этнических регионах.

Цель статьи – выявить изменения в социально-демографической структуре населения в годы новой экономической политики на примере Марийской автономной области 1920-х годов.

Для достижения поставленной цели рассмотрим типологизацию социальной структуры рос-

сийского общества периода нэпа и результаты первых советских переписей по Марийской автономной области.

Изучение структуры населения 1920-х годов является одним из основных концептуальных вопросов отечественной и зарубежной историографии нэпа. Влияние Первой мировой и Гражданской войн на социально-демографическую структуру российского общества стало изучаться еще в 1920-е годы. Значительный вклад в исследование этой проблемы внес П. А. Сорокин, сделавший вывод о сокращении численности населения России к 1922 году от 8 до 12 %, в том числе, с уменьшением населения на 19–20 млн чел. в период с 1914 по 1920 гг. [28, с. 137, 134]. С конца 1980-х годов и по настоящее время дискурс о демографических потерях продолжается. Исследователи приводят разные данные: от 10,9–13 млн чел. в 1917–1921 гг. [23, с. 104], до 25 млн чел. в 1917–1922 гг. [10, с. 468–469]. В том числе от голода: от 5 до 11,5 млн чел., от эмиграции – 1,5–2 млн чел., из-за падения рождаемости – 14–16 млн чел. [34, с. 126; 7, с. 32].

Проблемы классовой принадлежности в 1920-е годы тщательно изучались не только в силу любознательности ученых, но и с точки зрения

создания законодательства, основанного на классовой дискриминации. Широкую дискуссию вызвало письмо волостного статистика Г. Смердова в газету «Беднота» о том, кого считать кулаком. Революция, гражданская война, нэп изменили социальный состав: если в 1917–1918 гг. было ясно, «кто буржуй, кому не дать слова на сходе, на кого наложить чрезвычайный налог», потому что он «имел лавочку, не жил своим трудом, одурманивал нас на гнилой селедке», то после гражданской войны у него уже ничего не осталось, а многие же бывшие бедняки стали зажиточными. Редактор «Бедноты» отмечал, что среди грамотных крестьян при определении классовых принадлежности политические оценки играли решающую роль: «... может быть, сейчас у данного крестьянина и скота мало, и хозяйство небольшое. Но это – раскулаченный кулак, у которого революция обрезала крылья» [8, с. 19–20].

Прежняя структура общества была разрушена: распались старые имущие классы, почти исчез со сцены пролетариат [32, с. 16–17]. Причины этого – Первая мировая война, революция, гражданская война и голод 1914–1923 гг.: уничтожены не только верх социальной пирамиды, но и дифференциация крестьянства, вызванная столыпинскими аграрными реформами, а «черный передел» 1917–1918 гг. возродил крестьянскую общину. К 1921 году общество примитивизировалось. К 1922 году российский социум на 85 % состоял из «архаизированного» крестьянства, а остальные были городские и полуголодные маргиналы. К началу нэпа именно они и оказались «верхней частью усеченной социальной пирамиды». Если в условиях «нормального» многоукладного общества с мирными взаимоотношениями государства и общества элита была бы восстановлена, то в России это стало невозможным из-за страха большевистского государства о буржуазном перерождении общества [22, с. 6]. Этот обратный процесс замены «верхних» и «нижних» слоев общественной пирамиды был замечен еще А. П. Сорокиным [28, с. 137], и до настоящего времени исследование социальных трансформаций продолжается [18].

К 1923 году население составляло приблизительно 134 млн чел. [7, с. 32]. Основную массу населения составляло *крестьянство*, которое, по словам П. А. Сорокина, к 1922 году «относительно не уменьшилось, а даже росло» [28, с. 136]. Согласно официальной идеологии, крестьянство разделялось на три слоя: бедняк, середняк, кулак. В соответствии с экономическими критериями

(наличие внешних – инвентарных признаков – коров, лошадей [8, с. 25–26, 48–50, 52–54]; с/рочный наем работников, соотношение стоимости продукции, доходы от промыслов) [35], выявлялось отношение крестьянства к Советской власти: если «бедняк» – бедный, значит, ее союзник, а «кулак» – зажиточный, следовательно, ее противник. Государство было заинтересовано в сохранении условий для существования таких прослоек, поэтому все исследования 1920-х годов по этому вопросу касались расслоения крестьянства по довольно расплывчатым признакам, что вносило путаницу в реальные отношения в деревне. Например, «бедняками-союзниками» были не только лодыри и неудачники, но и трудолюбивые отходники, имевшие большую связь с городом, осведомленные и грамотные, с «современной направленностью» [19, с. 23]. «Кулаки» же старались избегать этого ярлыка, для чего нанимались с лошастью к безлошадному крестьянину, покупали больше юридических книг и знали законы лучше, чем юристы. Для маскировки классовой принадлежности «кулаки» (и не только они) меняли профессию, отказывались от родителей, заключали смешанные браки, усыновлялись другими [32, с. 25, 27].

Имущественная нивелировка, характерная в годы гражданской войны, сменилась процессом «*имущественной дифференциации, как во всем населении, так в крестьянстве*», – отмечал П. А. Сорокин (выделено – П. С.). – Общая бедность осталась, но одни еще сильнее обеднели, другие стали относительно богатеть... Контраст бедности и богатства стал громадным» [28, с. 137]. В соответствии же с мнением официальных источников [11, с. 505], со второй половины 1920-х годов в деревне происходило «осереднячивание». С абсолютизацией данного термина современные исследователи не согласны. Например, выдвигается тезис о «пауперизации» крестьянства за годы нэпа, когда в 1920 году бедняков насчитывалось 40 %, а в 1923 г. уже 43 % [14]. Интересно, что эта же мысль высказывалась рядом руководителей страны. В 1925 году М. И. Калинин писал, что «часть крестьянства в настоящий момент живет гораздо хуже, чем она жила до войны» [13, с. 43, 128]. Н. Д. Кондратьев отмечал, что «сельское население остается в бедности, в результате чего в деревне легко находить кулака там, где имеется здоровый, предприимчивый слой с более высокой производительностью труда» [15, с. 119]. Данные Комиссии СНК СССР за 1926/1927 г. об 11,3 % сельскохозяйственного пролетариата, 22 % бедняков,

62,7 % середняков и 3,9 % предпринимателях не достоверны, так как не всегда многоскотное хозяйство являлось зажиточным, использовало наемную рабочую силу, сдавало в аренду инвентарь, ведь, будучи многосемейным, можно относиться и к бедняцкой группе. Типичным средняцким хозяйством считалось то, которое имело 4–6 десятин посева, но в СССР таких было менее 50 % [14, с. 18–19, 23, 24].

Расслоение среди *рабочих* по квалификации и по месту работы и до революции не вызывало сомнений: «Пролетариат продолжает исчезать и деклассироваться» [28, с. 136]. Но в 1920-е годы слово «рабочий» стало приобретать классовый характер, теряя профессиональное различие. К началу 1921 года из 134,2 млн чел. индустриальных рабочих было 1,4 млн чел., в том числе рабочих фабрично-заводской промышленности – 1,3 млн чел. [11, с. 8]. К началу нэпа рабочий имел «связь с землей», что было вызвано усилением оттока в деревню, поскольку государственная система распределения не могла обеспечить даже «прожиточный минимум». За годы экономических реформ эта «связь с землей» стала связью «с совершенствующимся фермерским хозяйством» [32, с. 18, 20]. Фермером мог быть сам рабочий-крестьянин, иногда – член его семьи. Масштабы этого явления были полулегально признаны только в конце 1920-х годов, когда многим квалифицированным рабочим стало угрожать раскулачивание.

Труднее было отнести к какому-либо слою *служащих* и *торговцев*. В толковании данных категорий отразилась сложность социально-экономических процессов 1920-х годов. Так, «могильщики и шоферы... были «пролетариями», а домашняя прислуга, носильщики, продавцы принадлежали к младшему обслуживающему персоналу» [32, с. 16].

Ю. Ларин отметил слои населения, из которых стал формироваться слой предпринимателей 1920-х гг.: только при нэпе «открылась легальная возможность перерастания в предпринимателей эксплуататорского типа для тех отдельных удачливых кустарей, мелких торговцев или крестьян, которым раньше условия военного коммунизма мешали развернуться» [17, с. 54–55].

С точки зрения практической к капиталистическим элементам были отнесены более широкие слои: «живущие на доход от сдачи домов, комнат и прочих помещений, кустари и ремесленники, торговцы без наемного труда, прочие лица, живущие на нетрудовые доходы» [31, с. 162]. Част-

ная торговля формировалась из «осколков прежнего купечества», из бывших ремесленников, и из молодежи [21, с. 55–56]. П. А. Сорокин так описывает это явление: «Появилась и довольно сильно развилась *новая буржуазия* (нэпманы) – зоологическая, спекулятивная, шакальная, непродовственная, но «полнокровная», душой и телом преданная собственности» [28, с. 136]. Следует отметить, что в 1920-е годы термин «буржуазный» звучал как «враждебный», а среди класса буржуазии выделяли тогда три группы: «бывшие» (представители старых привилегированных классов), нэпманы и некоммунистическая интеллигенция. К нэпманам население относилось не только с недоверием, но и с ненавистью. Их сдержанность и отсутствие стремления к политической власти большевики объясняли «коварством», но тем не менее эта прослойка была нужна управляющим и промышленным чиновникам, поскольку использовалась в виде «толкача» [32, с. 22–24].

Проблемы *безработицы* 20-х годов в советской историографии до середины 1980-х годов рассматривались под углом зрения ее успешной ликвидации к концу нэпа. Инструкции Всесоюзной переписи населения 1926 г. дали четкое толкование термина «безработица». Однако в 1990-е появились работы, которые подошли к этому вопросу более детально, уточнив как понятийное толкование безработицы, так и ее величину, состав [33, с. 70; 36, с. 124–125]. В целом по стране в 1923 г. из 625 тысяч безработных служащие составляли 30 %, чернорабочие – 19 %, квалифицированные рабочие – 12 %; к концу 1924 г. – соответственно: 28 % чел. (специалисты), 22 % и 35 %. Весной 1928 г. безработица возросла до 1,6 млн чел., а весной 1929 г. – до 1,7 млн чел. Несмотря на то, что данные о числе безработных в исследованиях приводятся разные, в любом случае в конце 1920-х годов ее величина была огромна – 15 % всего населения [9, с. 44–45]. В ряды безработных в первую очередь вытеснялись буржуазные элементы, затем – неквалифицированные рабочие, женщины и молодежь. Сюда стремились попасть и те, кто не хотел работать, получая при этом пособие. Регулярные «чистки» безработных сокращали их число (в 1922 г. – на 30 %).

В Марийской автономной области (далее – МАО) российские процессы социальной трансформации имели свои особенности. К основным их причинам относились следующие: отдаленность от железнодорожной сети и активных военных

событий Первой мировой войны, отсутствие крупных промышленных предприятий, голод и стихийные бедствия 1921–1922 годов, многонациональный состав населения.

Одно из последствий Первой мировой и Гражданской войн – вынужденная массовая миграция населения. Поскольку изучение данной проблемы на региональном уровне требует специальных исследований, остановимся на теме, интерес к которой особенно возрос в последние годы и достаточно освещен в исследованиях [24; 25; 26]. В годы Первой мировой войны в уездные города Царевококшайск и Козьмодемьянск были размещены беженцы и военнопленные австро-венгерской, германской и итальянской армий. Присутствие военнопленных не только разнообразило социально-профессиональную, но и национальную структуру городского населения. Есть сведения, что с ними заключались браки [27]. Несмотря на то, что большинство военнопленных осенью 1918 года было репатриировано на родину, Всероссийская городская перепись населения 1923 года зафиксировала в МАО наличие 2 австрийцев (1 мужчину и 1 женщину), 26 немцев (15 мужчин и 11 женщин), 18 поляков (11 мужчин и 7 женщин), 5 латышей (2 мужчин и 3 женщины), 2 чехословаков (1 мужчину и 1 женщину), 2 мужчин-литовцев, 1 серба, гречанку, француженку, эстонку [12]. Однако статистика не отразила, кто из мужчин был военнопленным, какие они имели источники существования.

Сведения о численности и составе населения периода нэпа по полу, возрасту и национальности, о семейном положении и грамотности, о роде занятий и о состоянии здоровья по Марийской автономной области подробно были представлены в итогах Всесоюзной переписи населения 1926 года [6, 16]. В постсоветской историографии Марий Эл расчеты по данной переписи были введены в научный оборот в 1996 году [30].

Среди обширного круга вопросов переписи выделим лишь наиболее важные. Прежде всего, *национальный признак, который* учитывался лишь при определении русского языка и грамотности респондента, наличия у него тяжелого увечья. Так, перепись показала, что в стране проживало 428192 лица марийской национальности (приблизительно 0,29 % всего населения), среди них мужчин – 201725, женщин – 226467. Подавляющая часть марийцев (424616 чел.) проживала на селе [2].

В Марийской области из 482101 человека всего населения мари было 247979 (51,4 %)

населения области и 57,9 % марийцев страны. Другую большую группу жителей области составляли русские – 210016 человек (43,6 %). Остальные национальности – 5 % [1]. Конечно, в переписи не представлены динамика изменения численности населения (нам пришлось реконструировать ее в таблице 1), нет четкости в определении социальных границ (особенно сельского населения, интеллигенции). Заметим, что в дальнейшем (в связи с изменением внешних границ МАО) проводились пересчеты этой переписи [5, л. 1].

Женщин мари было больше (52,8 %), чем мужчин (47,2 %) (исследование занятости женщин МАО в 1920-е гг. представлено в отдельном исследовании) [29]. Сельские марийцы (246674 человека или 99,5 % всех марийцев МАО) составили основное население области. Женщин мари на селе было больше, чем мужчин, на 14406 человек, а в городах, наоборот, больше проживало мужчин мари – 937 человек, женщин – 368. Среди горожан русской национальности мужчин было меньше, чем женщин (8241 и 9740 человек соответственно). Основная часть русского населения проживала в Юринском кантоне, а марийского – в Звениговском кантоне.

Далее, второй важный момент, который выделим в итогах переписи, – это то, что возникшая в конце 1920-х годов дискуссия о так называемом «вырождении» марийского народа не подтвердилась. Рассчитав общие коэффициенты естественного движения населения в 1926 году, можно увидеть следующие особенности. Если общий прирост населения по МАО составил 23,7 %, то наибольший показатель (29,3 %), характерен для «прочих» национальностей, главным образом, татар. Самые высокие коэффициенты брачности и рождаемости также у представителей «прочих» национальностей. Общий коэффициент рождаемости выше у мари (58,3 %), однако, у мари и выше общий коэффициент смертности (35,4 %). В целом ПО МАО с 1921 по 1926 гг. количество рождений возросло почти в два раза, однако также возросло и число умерших.

Показатели прироста к количеству населения области свидетельствуют, что сокращение численности марийского населения произошло только в 1922 году, когда МАО поразил голод [20]. Сокращение же удельного веса марийцев было вызвано не его «вымиранием», а другими причинами: миграционными процессами, изменением границ области (после присоединения территорий с русским населением) и другими.

Естественное движение населения МАО по национальностям за 1921, 1926 и 1927 гг. [4, л. 56]

Годы	Национальность	Всего чел.	Родившиеся		Умершие		Естественный прирост/убыль		Браки		Разводы	
			чел.	‰	чел.	‰	чел.	‰	кол-во	‰	кол-во	‰
1921	мари		7481		6274		+1207		–	–	–	–
	русские		5522		4631		+891		–	–	–	–
	прочие		687		576		+111		–	–	–	–
	всего		13690		11481		+2209		2678		198	
1926	мари	247979	14446	58,3	8780	35,4	+5666	22,9	1702	6,9	178	0,7
	русские	210016	10638	50,7	5590	26,6	+5048	24,1	2297	10,9	179	0,9
	прочие	24106	1211	50,2	504	20,9	+707	29,3	299	12,4	149	6,2
	всего	482101	26295	54,5	14874	30,9	+11421	23,7	4298	8,9	506	1,05
1927	мари		13015		10214		+2801		1772		268	
	русские		10758		6177		+4581		2434		495	
	прочие		1368		573		+795		361		122	
	всего		25141		16964		+8177		4567		885	

Перепись дает некоторое представление и о *здоровье* населения. Основное заболевание – трахома – поразила на оба глаза 0,91 % сельских мари, из которых каждой сотой была женщина, а каждым двухсотым – мужчина. Среди русских слепых было в 5,4 раза меньше [4, л. 54]. Прочие увечья (глухонмота, ампутация одной или обеих ног, психическая болезнь) составляли по 0,1 % как в городах, так и на селе. Основными причинами их являлись война, врожденные (психические болезни и слепота) и прочие причины, вызванные и несоблюдением санитарно-гигиенических норм, и старинными обычаями, и тяжелым экономическим положением в начале 1920-х годов [3, с. 63–64].

Наконец, перепись приводит сведения о *занятых населения* области. Подсчитано, что самую большую группу составляли «хозяева, работающие только с членами семьи и члены артели» – 46,2 % от всего населения МАО, занятые в основном в сельском хозяйстве (подробно данная тема представлена в кандидатской диссертации А. А. Иванова «Доколхозная деревня Марийской автономной области, 1921–1929 гг.», 1999 г.). Другая группа – 43,9 % населения – «члены семьи, помогающие в занятии» (тоже главным образом в сельском хозяйстве). Далее, «служащие» (2,5 %), рабочие (2,1 %), «одиночки» (1,6 %), «хозяева с наемными рабочими» (1,5 %), а 0,9 % населения не имели или не указали своего занятия. Низкий показатель численности рабочего класса свидетельствует о малом удельном весе

промышленности в хозяйстве области. Перепись выявила преобладание в МАО лиц, работавших не по найму (93,4 %).

Таким образом, в Марийской автономной области, как и в целом по стране, структура населения была представлена следующими социальными группами: крестьянством, рабочими, служащими (в том числе, интеллигенцией («специалистами» и представителями творческо-просветительской деятельности), руководящим партийно-государственным и техническим персоналом), безработными и частым капиталом (особенность: буржуазией в полном смысле этого слова частный сектор МАО не являлся). Все эти группы отличались не только в количественном, но и в качественном отношении: по уровню материального благосостояния, принципам и этапам формирования. Различия общих коэффициентов естественного движения населения были связаны с этнической принадлежностью.

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 4.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1929. Т. 17.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1929. Т. 38.
4. ГА РМЭ. Ф-149. оп. 3, д. 37.
5. ГА РМЭ. Ф. Р-149, оп. 3, д. 36.
6. Гусев Н. Ф. Предварительные итоги переписи населения по Марийской автономной области. Краснококшайск, 1927. 28 с.

7. Девис Р. У., Гатрелл П. От царизма к НЭПу // *Вопр. истории*. 1992. № 8/9. С. 30–51.
8. Деревня при НЭПе (Кого считать кулаком, кого – труженником). Что говорят об этом крестьяне? М., 1924. 104 с.
9. Захарова М. Н. Рынок труда в промышленности СССР в 20-е годы. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1992. 48 с. Рук. деп. В ИНИОН РАН № 46441 от 14.04.92.
10. Историки спорят. 13 бесед / под общ. ред. В. С. Лельчука. М.: Политиздат, 1988. 510 с.
11. История Коммунистической партии Советского Союза Т. 4, кн. 1. М.: Политиздат, 1970. 664 с.
12. Итоги Всероссийской городской переписи 1923 года по Марийской Автономной области. Вып. 1. Краснококшайск: Первая государственная типография, 1923. 14 с.
13. Калинин М. И. О деревне. Л.: Кобуч, 1925. 149 с.
14. Климин И. И. К вопросу об осереднячивании крестьянства в годы НЭПа // *Вестник Санкт-Петербургского государственного ун-та. Сер.: Философия. Политология. Психология. Право*. СПб., 1993. 29 с. Рук. деп. в ИНИОН РАН № 47927 от 19.04.93.
15. Кондратьев Н. Д. К вопросу о «Проекте основных начал землепользования и землеустройства КПЗ» // *На аграрном фронте*. 1926. № 9. С. 118–140.
16. Краткие сводки переписи населения 1926 г. Вып. 1–10. М., 1927–1928.
17. Ларин Ю. Первоначальное образование буржуазного капитала в СССР // *Экономич. науки*. 1990. № 7. С. 54–56.
18. Лозбенев И. Н. Общественные настроения и протестные движения в период нэпа в Центральной части Европейской России (1921–1929): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: ГУУ, 2013. 41 с.
19. Льюис Э. К вопросу с социальной базе новой экономической политики // *Проблемы политологии и политической истории*. Саратов, 1993. Вып. 2. С. 21–26.
20. Марий Эл. Журнал Марийского областного исполнительного комитета. 1930. № 9–10.
21. Наринский А. Записки очевидца: торговля в годы нэпа // *Торговля*. 1993. № 213. С. 50–56.
22. НЭП: Экономика, политика, идеология: тез. докл. и сообщ. науч. конф., посвященной 70-летию начала перехода к Новой экономической политике, ноябрь 1991 г. Тамбов, 1991. 55 с.
23. Поляков Ю. А. Наше непредсказуемое прошлое. Политические заметки. М.: АИРО-XX, 1995. 215 с.
24. Рокина Г. В. Австро-венгерские военнопленные Первой мировой войны в Марийском крае // *Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память: сборник трудов конференции / отв. ред. Серапионова Е. П.* М.: Нестор-История, 2014. С. 102–113.
25. Рокина Г. В. Иностранцы пленные Первой мировой войны в Марийском крае // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2015. № 1. С. 72–77.
26. Рокина Г. В. Первая мировая война и Марийский край // *Псковский военно-исторический вестник: научный альманах*. Вып. 1. Псков, 2015. С. 149–155.
27. Рокина Г. В. Предисловие // *Запад – Восток*. 2014. № 7. С. 5–6.
28. Сорокин П. А. Россия после НЭПа (к пятилетию Октябрьской революции) // *Вестник РАН*. 1992. № 2. С. 129–138.
29. Сутырина О. Н. «Женский вопрос» в 1920-е годы // *Гендерные исследования в гуманитарных науках: VII науч.-практ. интернет-конф. с международным участием (2011; Йошкар-Ола): материалы / редкол.: Г. В. Рокина [и др.]*. Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2011. С. 143–153.
30. Сутырина О. Н. Население Марийской автономной области по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 года // *Марийский археографический вестник*. 1996. № 6. С. 79–82.
31. Тяжесть обложения в СССР: Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26, 1926/27 годах: доклад комиссии СНК Союза ССР по изучению тяжести обложения населения Союза ССР. М.: Госфиниздат, 1929.
32. Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов [ст. из США] // *Вопр. истории*. 1990. № 8. С. 16–31.
33. Ханин Г. И. Почему и когда погиб НЭП // *Экономика и организация промышленного производства*. 1989. № 10. С. 66–83.
34. Хоскинг Д. История Советского Союза, 1917–1991: пер. с англ. М.: Вагриус, 1994. 510 с.
35. Хрящева А. К вопросу о причинах группировки массовых статистических материалов в целях изучения классов в крестьянстве // *Вестник статистики*. М., 1925. № 1–3. С. 47–80.
36. Черных А. И. Рынок труда в 20-е годы // *Социол. исслед.* 1989. № 4. С. 118–126.
1. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g. M., 1928. T. 4.
2. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g. M.: CSU SSSR, 1929. T. 17.
3. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g. M.: CSU SSSR, 1929. T. 38.
4. GA RMJe F-149. op. 3, d. 37.
5. GA RMJe f. R-149, op. 3, d. 36.
6. Gusev N. F. Predvaritel'nye itogi perepisi naselenija po Marijskoj avtonomnoj oblasti. Krasnokokshajsk, 1927. 28 p.
7. Devis R. U., Gatrell P. Ot carizma k NJePu. *Voprosy istorii*. 1992. No. 8/9. Pp. 30–51.
8. Derevnja pri NJePe (Kogo schitat' kulakom, kogo – truzhenikom). Chto govorjat ob jetom krest'jane? M., 1924. 104 p.
9. Zaharova M. N. Rynok truda v promyshlennosti SSSR v 20-e gody. M.: MGU im. M. V. Lomonosova, 1992. 48 p. Ruk. Dep. V INION RAN № 46441 ot 14.04.92.
10. Istoriki sporjat. 13 besed, pod obshh. red. V. S. Lel'chuka. M.: Politizdat, 1988. 510 p.
11. Istorija Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza T. 4, kn. 1. M.: Politizdat, 1970. 664 p.
12. Itogi Vserossijskoj gorodskoj perepisi 1923 goda po Marijskoj Avtonomnoj oblasti. Vyp. 1. Krasnokokshajsk: Pervaja gosudarstvennaja tipografija, 1923. 14 p.
13. Kalinin M. I. O derevne. L.: Kobuch, 1925. 149 p.
14. Klimin I. I. K voprosu ob oserednjachivanii krest'janstva v gody NJePa // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta. Ser.: Filosofija. Politologija. Psihologija. Pravo*. SPb., 1993. 29 p. Ruk. dep. v INION RAN No. 47927 ot 19.04.93.
15. Kondrat'ev N. D. K voprosu o «Proekte osnovnyh nachal zemlepol'zovanija i zemleustrojstva KPZ». *Na agrarnom fronte*. 1926. No. 9. Pp. 118–140.

16. Kratkie svodki perepisi naselenija 1926 g. Vyp. 1–10. M., 1927–1928.
17. Larin Ju. Pervonachal'noe obrazovanie burzhuaznogo kapitala v SSSR ? Ju. Larin. *Jekonomich. nauki*. 1990. No. 7. Pp. 54–56.
18. Lozbenev I. N. Obshestvennye nastroenija i protestnye dvizhenija v period njepa v Central'noj chasti Evropejskoj Rossii (1921–1929): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M.: GUU, 2013. 41 p.
19. L'juis Je. K voprosu s social'noj baze novoj jekonomicheskopolitiki. *Problemy politologii i politicheskoj istorii*. Saratov, 1993. Vyp. 2. Pp. 21–26.
20. Marij Jel. Zhurnal Marijskogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta. 1930. No. 9–10.
21. Narinskij A. Zapiski ochevidca: trgovlja v gody njepa. *Torgovlja*. 1993. No. 213. Pp. 50–56.
22. NJeP: Jekonomika, politika, ideologija: tez. dokl. i soobshh. nauch. konf., posvjashhennoj 70-letiju nachala perehoda k Novoj jekonomicheskopolitike, nojabr' 1991 g. Tambov, 1991. 55 p.
23. Poljakov Ju. A. Nashe nepredskazuemoe proshloe. Politicheskie zametki. M.: AIRO-HH, 1995. 215 p.
24. Rokina G. V. Avstro-vengerskie voennoplennye Per-voj mirovoj vojny v Marijskom krae. *Social'nye posledst'vija vojn i konfliktov HH veka: istoricheskaja pamjat': sbornik trudov konferencii*, otv. red. Serapionova E. P. M.: Nestor-Istorija, 2014. Pp. 102–113.
25. Rokina G. V. Inostrannye plennye Pervoj mirovoj vojny v Marijskom krae. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*. 2015. No. 1. Pp. 72–77.
26. Rokina G. V. Pervaja mirovaja vojna i Marijskij kraj. *Pskovskij voenno-istoricheskij vestnik: nauchnyj al'manah*. Vyp. 1. Pskov, 2015. Pp. 149–155.
27. Rokina G. V. Predislovie. *Zapad – Vostok*. 2014. No. 7. Pp. 5–6.
28. Sorokin P. A. Rossija posle NJePa (k pjatiletiju Okjabr'skoj revoljucii). *Vestnik RAN*. 1992. No. 2. Pp. 129–138.
29. Sutyrina O. N. «Zhenskij vopros» v 1920-e gody. *Genderne issledovanija v gumanitarnyh naukah: VII nauch.-prakt. internet-konf. s mezhdunarodnym uchastiem (2011; Joshkar-Ola): materialy*, redkol.: G. V. Rokina [i dr.]. Joshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2011. Pp. 143–153.
30. Sutyrina O. N. Naselenie Marijskoj avtonomnoj oblasti po itogam Vsesojuznoj perepisi naselenija 1926 goda. *Marijskij arheograficheskij vestnik*. 1996. No. 6. Pp. 79–82.
31. Tjazhest' oblozhenija v SSSR: Social'nyj sostav, dohody i nalogovyje platezhi naselenija Sojuza SSR v 1924/25, 1925/26, 1926/27 godah: doklad komissii SNK Sojuza SSR po izucheniju tjazhesti oblozhenija naselenija Sojuza SSR. M.: Gosfinizdat, 1929.
32. Ficpatrik Sh. Klassy i problemy klassovoj prinaldzhnosti v Sovetskoj Rossii 20-h godov [st. iz SShA]. *Voprosy istorii*. 1990. No. 8. Pp. 16–31.
33. Hanin G. I. Pochemu i kogda pogib NJeP. *Jekonomika i organizacija promyshlennogo proizvodstva*. 1989. No. 10. Pp. 66–83.
34. Hosking D. Istorija Sovetskogo Sojuza, 1917–1991: per. s angl. M.: Vagrius, 1994. 510 p.
35. Hrjashheva A. K voprosu o prichinah gruppirovki massovyh statisticheskikh materialov v celjah izuchenija klassov v krest'janstve. *Vestnik statistiki*. M., 1925. No. 1–3. Pp. 47–80.
36. Chernyh A. I. Rynok truda v 20-e gody. *Sociol. issled*. 1989. No. 4. Pp. 118–126.

Статья поступила в редакцию 15.12.2015 г.

O. N. Sutyrina

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola

SOCIO-DEMOGRAPHIC TRANSFORMATIONS IN RUSSIA IN THE YEARS OF THE NEW ECONOMIC POLICY

The article is devoted to the study of the socio-demographic structure of the population of Russia on an example of the Mari Autonomous Region in the years of the New economic policy. The study gives historiographical and statistical databases, shows the examples of the typology of the social structure of the population of Russia in the 1920s. The research methodology is based on the writings of scholars and practitioners of the 1920s (P. Sorokin, Yu. Larin, N. Kondratiev) and modern Russian and foreign researchers (S. Fitzpatrick, E. Lewis, R. W. Davis, P. Gatrell etc.), documents of the State archive of the Republic of Mari El, statistical reports. The study notes the impact of the First World and the Civil War in the population of the country. The article presents data of the All-Russian urban census of 1923 and the Soviet census of 1926 on the Mari Autonomous region. The paper calculated coefficients of natural movement of population of the Mari Autonomous region in 1920s. The research used a multidisciplinary approach: statistical and mathematical methods, methods of historical typology. The study makes some conclusions about dynamics in fertility and mortality of population in the region.

Keywords: Mari Autonomous region, Russia, social structure, population, new economic policy, natural movement of population, population census, fertility, mortality